

Наталья
Александрова

Наталия Александрова

Кодекс надежды



Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
A46

Оформление *Anastasii Oрловой*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Александрова, Наталья.

A46 Кодекс надежды : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Издательство ACT, 2018. — 320 с. — (Роковой артефакт).

ISBN 978-5-17-106544-7

Далеко на востоке, на границе владений Великих Моголов и китайского императора, находилась удивительная страна, где царили подлинное благочестие и истинная вера. Многие годы ею правил мудрый и добродетельный монарх пресвитер Иоанн. Однажды он отправил в Европу послов, чтобы те рассказали о нем и его подданных, а дабы придать словам послов больше веры, вручил им бесценный манускрипт, подаренный волхвами новорожденному Христу. Со временем вокруг манускрипта родилось много слухов и домыслов, и в конце концов его след затерялся в веках.

Питерская домохозяйка Надежда Лебедева считала, что история о манускрипте не более чем легенда, выдумка монахов. Однако, оказавшись причастной к расследованию серии убийств в городских библиотеках, она изменила свое мнение.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106544-7

© Н. Александрова, 2018
© ООО «Издательство ACT», 2018

— Изачем только в доме иметь столько книг? — вздохнула Надежда. — Ну все равно ведь никто их не читает...

Но тут же опомнилась и слегка устыдилась. Ни в коем случае нельзя так говорить о книгах. Если ее услышит муж, будет очень стыдно. Тем более что Надежда так вовсе и не думала. Просто в эту минуту ее терпение было на исходе, ведь она стояла на неустойчивой лесенке и стирала пыль с каждого тома.

Библиотека принадлежала мужу Сан Санычу, он дорожил каждой книгой и прочитал если не все собрания сочинений от корки до корки, то многие из них. Надежда Николаевна тоже любила читать и не бросила это занятие даже сейчас, в эпоху Интернета, айпадов и айфонов.

Сан Саныч электронных книг не признавал даже в отпуске, а со своей библиотекой не расстался бы ни за какие коврижки. И черт дернул Надежду придумать сегодня эту уборку! Стояли бы себе книги на полке и стояли, так нет же, она решила стереть с них пыль!

— Вот откуда берется пыль, если шкафы застекленные? — спросила Надежда.

Со стороны могло показаться, что она слегка сдвинулась на домашнем хозяйстве и разговаривает сама с собой. Но на самом деле у нее был собеседник — на диване в кабинете мужа лежал пушистый рыжий котяра и делал вид, что спит.

С котами всегда так: они только делают вид, что все происходящее их не касается, а на самом деле предпочитают находиться в центре событий. Кот держался индифферентно, но Надежде Николаевне сверху было видно, что изредка он посматривал на нее зеленым глазом.

— Как думаешь, Бейсик, может, бросить эту затею? — спросила Надежда. — Все равно пыли за стеклом не видно...

Не дождавшись ответа, она тяжко вздохнула и снова взялась за тряпку.

В этот момент раздался звонок телефона. Надежда специально притащила трубку в кабинет, чтобы услышать звонок, — все же квартира большая, трехкомнатная, но когда телефон зазвонил так близко, она от неожиданности едва не свалилась с лесенки. А лесенка была не простая — если хитро повернуть нижнюю ступеньку, она превращалась в красивый табурет с сиденьем, обитым зеленой кожей. Однако, стоя на верхней ступеньке, Надежда чувствовала себя цирковым медведем.

Кот пошевелился и с любопытством посмотрел на светящуюся трубку.

— Хоть бы ты подал телефон!

Надежда, кряхтя, с трудом спустилась и весьма огорчилась по этому поводу — вроде бы и зарядку по утрам делает, и мучное сократила

до минимума, так откуда это кряхтенье взялось? Поэтому ее голос по телефону звучал не слишком любезно.

— Слушаю!

На том конце эхнули, мекнули, слегка замялись.

— Да говорите же! — рявкнула Надежда.

— Мне бы Надежду Николаевну, — послышался испуганный женский голос. — С ней ничего не случилось?

— Ничего, — удивилась Надежда Николаевна. — А кто ее спрашивает?

— Надя, это ты? — Женщина повеселела. — А я тебя сразу и не узнала, такой голос суровый.

— Вера... — оттаяла Надежда. — Верочка, как я рада тебя слышать! Вот не поверишь, только что тебя вспоминала!

Это было почти верно, поскольку Надежда как раз возилась с книгами, а Вера много лет работала в библиотеке научно-исследовательского института, где трудилась и Надежда Николаевна. Библиотека в институте была большая, хорошая, там хранились не только технические, но и художественные книги.

Как уже говорилось, Надежда Николаевна книги любила. Возможно, этому способствовал тот факт, что ее бабушка работала библиотекарем, и маленькая Надя с детства впитала запах пожелтевшей от старости бумаги, и чуть пыльных переплетов, и полок из старого, тронутого древоточцами дерева — этот букет запахов нравился ей гораздо больше ароматов любых духов. Справедливости ради следует заметить, что в то

время в продаже еще не было французских духов. Надина мама пользовалась духами «Манон», но французским в них было только название. «Красную Москву» и «Ландыш серебристый» мать отчего-то не жаловала.

Очень рано надписи под картинками, по которым Надя водила пальцем, стали складываться в понятные слова. Мать всегда говорила, что она с Надей горя не знала — с пяти лет можно было сунуть ребенку книжку и спокойно заниматься своими делами.

На почве книг Надежда Николаевна и подружилась с Верой. В эпоху всеобщего дефицита Вера откладывала интересные книжки для подрастающей Надеждиной дочки Алены. Куда делась библиотека, когда институт распался, Надежда предпочитала не спрашивать.

Сан Саныч очень обрадовался, когда его жену уволили с работы, велел ей сидеть дома, заниматься хозяйством и ни о чем не беспокоиться — он берет заботы о ней и о любимом коте на себя. А Надежда Николаевна будет гулять, ходить в салон красоты, запишется на какой-нибудь пилатес или зумбу, будет баловать мужа вкусными калорийными ужинами — словом, заживет, наконец, по-человечески. Не вечно же ей бегать за троллейбусом и вставать в семь утра по будильнику?

Вера никогда не была замужем, жила с мамой, незадолго до закрытия института мама умерла, так что Вера устроилась по специальности в районную библиотеку. И, честное слово, иногда Надежда ей завидовала. Сидишь себе в теплом и светлом помещении, опять же книжки кругом, и люди при-

ходят соответствующие. Все же библиотека — очаг культуры, а не ларек на продуктовом рынке. Посетители в основном пожилые, спокойные, воспитанные.

А главное — человек при деле. Не то что Надежда.

Как наивен был муж, когда радовался, что Надежду Николаевну сократили с работы!

Как только про это узнали многочисленные родственники и знакомые, так кончилась счастливая Надеждина жизнь. Всем вдруг срочно понадобились ее услуги: посидеть с беспокойным первоклассником, встретить на вокзале тетю из Урюпинска, получить на почте посылку весом пятнадцать килограммов, привезти запасные ключи великовозрастному оболтусу, потерявшему свои, в то время как у его матери срочное совещание и она не может выскочить из офиса ни на минуту, встретить мастера по ремонту холодильника, отвезти к ветеринару ангорского хомяка — все эти и еще множество других дел свалились на Надежду в одночасье.

Брожденная интеллигентность не позволяла послать всех подальше, но Надежда не переставала задавать себе вопрос: а как же они жили раньше? Как обходились до того, как она ушла с работы? Вопрос был риторический.

Вере она, конечно, об этом не говорила, подозревая, что та с удовольствием поменялась бы с Надеждой Николаевной местами. Что за радость торчать в районной библиотеке за нищенскую зарплату, не имея никаких перспектив? Но Вера свою работу любила, только этим и держалась.

Они не виделись со дня закрытия института, но регулярно перезванивались.

— Верочка, как я рада тебя слышать! — повторила Надежда. — У тебя все в порядке?

— У меня-то да, но... — сказала Вера с интонацией Пятачка, когда у него лопнул воздушный шарик. — Понимаешь, у нас в библиотеке творится форменное безобразие! Из центрального коллектора поступает много новых книг, но фонды-то не резиновые, и начальство распорядилось избавиться от старых книг!

— Ну, — осторожно произнесла Надежда, — если они устарели... какой-нибудь учебник по машиностроению, когда сейчас и машин-то таких нет... или инструкция по работе на арифмометре...

— О чём ты говоришь?! — закричала Вера. — Там такие книги, старинные! В прекрасном состоянии, а их сжечь?

— Сжечь? — поразилась Надежда. — Слушай, это какое-то Средневековье получается, когда инквизиция сжигала книги еретиков.

— Или на помойку, — мрачно подтвердила Вера. — В общем, сплошное мракобесие. Так что, Надя, очень тебя прошу, приходи! Приходи прямо сейчас, потому что к завтрашнему дню эти книги выбросят. Заведующая говорит — делайте что хотите, но чтобы этих куч посреди библиотеки не было, не то буду из зарплаты вычитать!

— Крутая она у вас... — пробормотала Надежда.

— Ага, а сама заперлась в кабинете и плачет, я слышала... Ведь такие книжки... Надя, приходи, возьми хоть что-нибудь!

— Да? — Надежда не очень удивилась, поскольку уже поняла, к чему Вера клонит. Но взять книги... да у нее свои-то ставить некуда!

— Надя, ты только посмотри! — теперь в голосе Веры звучали слезы, а у Надежды в памяти всплыло детство, и бабушка как живая встала перед глазами и смотрела строго — мол, что же ты, да как же можно от такого отказываться?

— Ладно, — вздохнула Надежда, — приду.

— Сумку побольше возьми! — посоветовала Вера.

Надежда наскоро запихала книги на полку и побежала собираться. Оделась попроще — надо думать, в старых фолиантах пыли вагон, но все же подкрасила глаза и губы, чтобы было не стыдно на люди выйти. Достала из кладовки старую спортивную сумку, которая осталась от внука Сан Саныча Вовки, с которой он ходил на тренировки. Сейчас Вовка с родителями проживал в Канаде, где его отец работал по контракту, и возвращаться никто из них пока не собирался.

Напоследок Надежда Николаевна взглянула на себя в зеркало, провела расческой по волосам и отправилась навстречу очередному удивительному и опасному приключению, которыми ее жизнь изобиловала вот уже несколько лет.

Выйдя из лифта, Надежда столкнулась с соседкой Антониной Васильевной, которую все в их доме называли Недреманое око. Антонина Васильевна была весьма плотной комплекции, передвигалась с трудом, зато обладала отличным зрением и неуемным любопытством. Она знала по именам всех соседей, а также их родственников и знакомых,

помнила номера и марки машин, породы собак и клички кошек.

В теплое время года она бесконечно отиралась во дворе перед подъездом, зимой же оборудовала себе пристанище на балконе. Таким образом, она постоянно была в курсе всех посещений и передвижений. Жильцы относились к ней с осторожностью: с одной стороны, Антонина Васильевна могла сигнализировать мужу или жене, чем занимается дражайшая половина в их отсутствие, с другой — предотвратила пару-тройку квартирных краж, за что в ближайшем отделении полиции ее уважали и даже вручили какую-то грамоту.

— Надя, ты куда это собралась с такой большой сумкой? — удивилась Антонина Васильевна. И поскольку Надежда замешкалась с ответом, живо провела анализ: — В магазин за хлебом — сумка слишком большая, на рынок за овощами тебя в выходной муж на машине возит, на дачу — так сумка пустая... В химчистку, что ли, за покрывалом?

Надежда поняла, что придется ответить честно, в противном случае Недреманое око выдумает какую-нибудь историю.

— Книжки? — протянула Антонина Васильевна. — А что? Сделай доброе дело. Я вот тоже любовные романы очень даже уважаю...

Надежда едва удержалась, чтобы не фыркнуть. Антонина Васильевна читет любовные романы? Ну надо же...

— Надежда, — решительно продолжила соседка, — вот ты вроде серьезная женщина, но о чем

только думаешь? Книги же тяжелые, много ли ты в такой сумке утащишь? Ты же не спортсмен-тяжеловес! Возьми у меня сумку на колесиках, очень даже удобно!

— Что?! — голос у Надежды зазвенел от возмущения. — Чтобы я... сумку на колесиках? Да ни за что!

Сумка на колесиках снилась ей в самых страшных кошмарах. Надежда Николаевна была твердо уверена: как только она покатит за собой этот ужас — сразу же наступит старость. Сумка на колесиках и розовый мохеровый берет — это конец всему. Никогда, ни за что она этого не сделает!

Но отвязаться от Антонины Васильевны было не так-то просто, так что через некоторое время Надежда вышла из ее квартиры, катя за собой сумку в желтых ромашках на голубом поле. Соседка с гордостью сказала, что эту сумку ей подарила племянница на день рождения.

Верочка встретила Надежду в дверях библиотеки.

Она ничуть не изменилась за те несколько лет, что прошли с их последней встречи. Верочка вообще была из тех женщин, про которых говорят: маленькая собачка — до старости щенок. Она действительно была похожа на карликового пуделя — худенькая, кудрявая, миниатюрная, подвижная, с живыми серыми глазами, порывистыми движениями и удивительно быстрыми перепадами настроения. Такие женщины очень долго не меняются и кажутся моложавыми — пока в одно далеко не прекрасное утро не превращаются в жиз-

нерадостных старушек, все таких же порывистых и эмоциональных.

С Верочкой эта метаморфоза, к счастью, еще не произошла, но настроение у нее было ужасное.

— Здравствуй, Надюша! — бросилась она на встречу старой знакомой. — Хоть ты пришла! Спасибо! Больше никто не откликнулся на мой призыв, представляешь? Люди вообще такие равнодушные... А я не могу допустить, чтобы такие прекрасные книги оказались на помойке! У меня от этого просто сердце разрывается!

Посреди комнаты громоздились высоченные стопки книг. Они разъезжались, рассыпались, сползали на пол, как снежные лавины с горных склонов.

— Вот, ты видишь? — Верочка выхватила из стопки книгу в потертом кожаном переплете. — Кнут Гамсун... любимый писатель моей бабушки... разве я могу выбросить такую книгу?

— Слишком толстая... — вздохнула Надежда Николаевна, отложив книгу в сторону. Гамсун не относился к числу любимых писателей ее бабушки и поэтому не вызывал у Надежды сильных эмоций. Кроме того, книга заняла бы слишком много места.

— А вот это! Ты только взгляни! — Верочка протянула Надежде следующую книгу, на обложке которой красовался бородатый человек в косматой меховой шапке, с кремневым ружьем под мышкой и попугаем на плече.

— Робинзон Крузоэ Даниэля Дефоэ... — прочитала Надежда название. — Ах, так это Робинзон Крузо!

Эта книга заинтересовала ее гораздо больше. В юности Надежда Николаевна читала ее несколько раз, и всегда с неизменным удовольствием. Особенно ей почему-то нравилась история про мальчика Ксури. А ту главу, где Робинзон перевозит на остров инструменты и вещи с разбитого корабля, она перечитывала не меньше двадцати раз.

— Такого издания ты наверняка не видела! — не унималась Верочка. — В твоей книге приключения заканчивались тем, что Робинзон Крузо возвращался с острова обратно в Англию?

— Ну да, конечно... а чем же еще?

— А-а! — Верочкины глаза ярко засияли, как будто она собиралась открыть Надежде какую-то удивительную тайну. — Это вовсе не конец книги! В полном варианте Робинзон снова попадает на свой остров, где образовалась целая колония из пиратов, он наводит среди них порядок, а потом совершает удивительное путешествие через весь земной шар, попадает даже в Сибирь — представляешь! Там он спасает с каторги опального русского князя...

— Беру! — решительно проговорила Надежда и положила книгу в сумку.

— Правильно делаешь! Замечательная книга, да еще и с оригинальными иллюстрациями Жана Гранвиля... А вот это — уникальное издание «Оливера Твиста»...

— Диккенс у нас есть, — вздохнула Надежда Николаевна, вспомнив строгие зеленые книги, — целых тридцать томов... Так что куда еще «Оливера Твиста»?..